

ИМЯ И ТРАДИЦИЯ

Болгарские имена собственные представляют особый интерес для специалистов разных гуманитарных областей¹. Сведения об именах, о мотивировке выбора конкретного имени содержатся в различных источниках, тема имянаречения возникает в полевой работе диалектологов и специалистов по народной культуре. Многосоставность болгарского имени и разнообразие личных имен (см., в частности, словари: [Влахов 1999]; [Заимов 1988]; [Илчев 1969]; [Ковачев 1995]) обусловлены несколькими причинами и самым тесным образом связаны с болгарской (и шире – балканской) этнокультурной традицией имянаречения младенцев.

Система имен собственных у болгар архаична, в ней нашли отражение различные факты истории: принятие христианства, воздействие ислама, влияние иноязычных традиций и культур, билингвизм в некоторых регионах и др. Славянские, еврейские, греческие, турецкие (арабские) имена не просто сосуществуют в болгарском имени (что известно всем ономастиконам), они последовательно «переводятся», ср.: *Ана – Блага, Добра; Анани – Богомил, Богдан; Петър – Камен; Севда – Любовь* ([Заимов 1988]; [Вайганд 1926]).

Богатство имени проявляется в наличии множества словообразовательных вариантов одного имени. Модификации наиболее распространенных имен могут насчитывать до нескольких десятков вариантов, ср. дериваты от *Вълк – Вълчо, Вълка, Вля, Вълчана* и многие другие²; от *Стоян – Стойко, Стойо (Стою), Стойчо*, от *Димитър – Димо, Митко, Димитрина* и т. д. Сокращение или, наоборот, удлинение имени, его модернизация, соединение двух основ – типичные способы изменения болгарских имен. Кроме того, у одно-

¹ Тема имени и имянаречения в последнее время привлекает все более пристальное внимание исследователей духовной культуры, лингвистов, лексикографов и социологов. Прагматика и функции личных имен в славянской народной традиции подробно рассмотрены в трудах Н. И и С. М. Толстых ([Толстой, Толстая 1998]; [Толстая 2001]), серия работ посвящена имени собственному в болгарской культуре ([Кръстева-Благоева 1996; 1999а; 1999б]; [Седакова (в печати)]). См. также материалы Московской конференции: *Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст*. Ч. 1–2. М., 2001.

² Имена со значением «волк» распространены у многих народов, в том числе и балканских. О сербских именах от основы *вук*- см. [Плас 2002: 92], ср. также известный биографический пассаж Вука Караджича в его Словаре. Болгарские нарративы об этих именах см. [Седакова (в печати)].

го имени почти всегда есть мужской и женский варианты: *Драган – Драгана, Петко – Петка, Красимир – Красимира*.

Болгарская церковь позволяет крестить младенца именем, которого вообще нет в святцах, трансформированным (иногда до неузнаваемости) или «переведенным» именем святого / святой (*Донка, Милена; Миче; Ирина – Мира; Славчо, Благой; Пешо; Тихон – Сретен* и мн. др.). Так же толерантно относится и болгарское общество в целом к самым, казалось бы, необычным именам и их комбинациям, которые вносятся в паспорт и становятся официальными.

Список болгарских имен открыт для инноваций, что подтверждают и современные записи. Он постоянно пополняется не только за счет активных словообразовательных процессов, но и благодаря проникновению иностранных «красивых», модных имен (через кино, телевидение, книги).

Многообразие имен, нейтральность, немаркированность большинства из них (по сравнению с антропонимической ситуацией в России) не были бы столь интересными социолингвистическими фактами, если бы не увязывались с болгарской традицией имянаречения, прочно сохранившейся и последовательно соблюдающейся в наши дни.

* * *

Особое отношение к имени собственному – явление универсальное, встречающееся во многих культурах. Произнесение имени вслух связано с запретами и рекомендациями. Например, у болгар не разрешается называть ребенка по имени до крещения, иначе «он вырастет несчастливый» [Ркс: 59]. После церковного обряда в течение 40 дней также не упоминают детское имя, чтобы «сохранить сон младенца» и «уберечь его от нечистой силы» [Ркс: 219]. Имеются сведения, что крестильное имя скрывали вплоть до венчания ([Ркс: 310])³. И наоборот, при «лечении» заболевшего младенца, читая заговор, трижды громко произносили имя больного младенца, как бы возвращая ему жизненную силу.

Церковное крещение нередко интерпретируется как акт, благодаря которому ребенок получает имя (*кръцавам* ‘давать имя, нарекать’). Ср. в этом плане этнографические и фольклорные факты: крик ре-

³ До крещения болгары называют младенца особыми именами, преимущественно заимствованными, многие из которых с трудом поддаются этимологизации (*джавдже, джагуре, джоле, дживгар* и мн. др.). В них акцентируется семантика чужого, «не своего», «природного». Крестильное имя воспринимается в контексте продолжения рода как «свое», традиционное, человеческое.

бенка до крещения объясняется тем, что «он плачет по своему имени» [Ркс: 343]; приходя на крестины, гости произносят благопожелание «Честито да му е името» [Ркс: 305].

Болгарской традиции известны три основных принципа выбора имени для ребенка: 1. по имени крестного отца (или по решению крестных); 2. по имени свекра, свекрови или родных; 3. в честь святого, память которого отмечается в день рождения младенца, или в соответствии с близким по времени церковным праздником. Эти правила дополняются многочисленными уточнениями, запретами, регламентациями и рекомендациями (так называемые особые номинации). Встречаются также именованья в честь выдающихся исторических личностей и культурных деятелей; в честь односельчан, родственников или знакомых, запомнившихся своими хорошими качествами.

Фиксируют эти правила не только ономастиконы, но и толковые, диалектные и другие словари. Нередко в словарных статьях **Кръщавам** содержится информация об обычаях имянаречения. Так, в Словаре Найдена Герова к значению 'нарекать, давать имя' приводится пример: *Кръстиха го на дядо му* («Его назвали в честь деда») [Героу 3: 426]. В толковом словаре Стефана Младенова сообщается: «Мальчикам чаще всего дают имена в честь дедушки по линии отца, а девочкам – в честь бабушки по линии матери» [МБТР 1951: 1102]. В диалектных словарях даются примеры, иллюстрирующие локальную традицию выбора имени, ср.: **Крштенье**: *Мине се една седмица, го крштават (детето)... каже кумо името* (т. е. имя выбирает крестный отец) [Котова 2002: 106].

Традиции, связанные с именами, отмечены в биографиях. В статье об известном болгарском этнографе Димитре Маринове читаем: «Мальчик появился на свет в день св. Петки, и его назвали Петко». Далее следует характерное описание смены имени при усыновлении ребенка. Мать мальчика умирает, когда ему нет еще трех месяцев, и отец отдает его в семью богатого купца Марина Бонова. В доме купца перед иконой совершается ритуал усыновления с последующим крещением мальчика, именуемого теперь Димитром ([Василева 2003: 7–8])⁴.

В очерках по болгарской этнографии и духовной культуре приводится обширный материал по антропонимии: списки личных имен конкретного региона, описания номинационных практик. В таких изданиях подробно повествуется о традициях выбора имени, приво-

⁴ Ср. также факт и из биографии Христо Ботева: он родился на Рождество Христово, поэтому его назвали *Христъо*, а не *Петко* – в честь деда. Имя деда получил младший брат Христо Ботева.

дится полевой материал. Отметим лишь некоторые факты, показательные в свете проблемы «имя и традиция».

Особый случай представляет собой именование в семьях, где дети «не держатся», умирают. Новорожденного оставляют на дороге и ждут, кто первым его обнаружит и, соответственно, станет крестным. Ребенок получает имя крестного, хотя традиция в некоторых селах рекомендует «говорящие» имена для «найденных»: *Найден*, *Горан*, *Божидар* (Ркс: 339), *Панталей* (по прочной ассоциации этого святого с дорогой, ср.: *Пантелей пътник* [Ркс: 323]), *Камък* (и младенца кладут на время на камень, «чтобы был крепким») [Ркс: 6]. Близнецам следует давать сходные имена: *Ненка* и *Нено*; *Даца* и *Дана*, иначе один ребенок умрет. Первенца именуют *Първан*, *Първана*; рожденных в пятницу – *Петко*, *Петка*; в субботу – *Събчо*, *Събка* (подробнее см. [Седакова 2003]). Если подряд рождаются только мальчики или только девочки, младенца нарекают именем родителя противоположного пола. Если считается, что в семье уже достаточно детей, новорожденный именуется *Достан*, *Доста* и мн. др.

Описанные номинационные практики применяются и в наши дни. В экспедиционной работе при знакомстве с информантом, в разговорах на разные темы удается записывать особые типы текстов – рассказы об истории личного имени. Не только в селах бытуют эти истории, многие из них рассказаны людьми с высшим образованием, горожанами⁵. Героями рассказов могут быть сами информанты, их дети, мужья, кумовья, соседи (односельчане). Звучат рассказы о том, в честь кого названы дети, внуки, размышления о собственном имени. О стремлении болгар осмыслить свое имя свидетельствуют и современные исследования, в том числе социологические ([Воденичаров 1997]; [Кръстева-Благоева 1996]), см. также интернет-сайты www.imena.hit.bg, www.angelfire.com.

Согласно записям последних лет, молодые родители стремятся продолжить традицию и дать ребенку имя деда или бабушки. Родители выбирают имена по архаическим моделям, но частично меняют «старые» имена – это так называемые компромиссные имена ([Кръстева-Благоева 1999: 105]). Для них характерно расширение имени (*Благовеста* от *Благой*; *Вероника* от *Вера*), сохранение части имени, слога или даже начальной буквы (*Станимир* – *Стоян*; *Петанка* – *Пена*; *Христо* – *Храбри*; *Игнат* – *Илчо* и др.). Нередко это делается по настоянию старших родственников. Интересно, что в

⁵ Выражаю признательность болгарским коллегам и друзьям, поделившимся со мной историей своих имен.

некоторых случаях те, чьи имена избираются, противостоят этому. Так, девочку назвали в честь бабушки *Цветана*, однако бабушка настояла на смене имени внучки, поскольку в свое время сама была названа в честь своей бабушки *Цветы*, с которой у нее были связаны неприятные воспоминания. Дочери дали имя *Цветомира* (София 2002, соб. зап.). Информант из села Стакевци рассказывал мне, что он не захотел, чтобы его внука назвали в честь него *Марко*, так как, по его мнению, это имя дают в основном животным ([ДИОС]).

В экспедициях можно услышать разнообразные истории, комментирующие традиционную практику «особых номинаций». Так, Мара Минчева рассказала мне о своей тете, у которой умерло подряд несколько младенцев. Новорожденного сына она, в соответствии с известным обычаем, оставила на дороге в ожидании человека, который станет его крестным. Мальчика нашла *Ана*, и его крестили в ее честь, повторив первые две буквы – *Ангел* (София 1993, соб. зап.).

В рассказах описываются коллизии при выборе имени для новорожденного, даются сведения о традициях этой процедуры. При этом характеризуются превратности жизненного пути человека, а личностные моральные и поведенческие особенности ставятся в непосредственную зависимость от конкретного имени. Само имянаречение интерпретируется как событие, способное повлиять на судьбу и характер.

Желание продолжить род, культ крестных, почитание святых, церковных календарных праздников – все это находит свое отражение при крещении и выборе имени. Если «подновляется» имя свекра или свекрови, крестных, срабатывает механизм магического связывания судеб и характеров тезок, который на вербальном уровне раскрывается в жанре нарратива, в комментариях и репликах, анекдотах и шутках. Жительница Софии рассказала мне, что ее сестру назвали в честь крестной *Стефка*. Тезки очень похожи характерами, даже в мелочах, что служит поводом для шуток и комментариев: «Стефка – точь-в-точь ее крестная, та тоже была такая же чистюля» (София 2001, соб. зап.).

Представление о том, что выбор определенного имени влияет на судьбу человека, событийность его жизни, что носитель конкретного имени обладает специфическими свойствами, в Болгарии получает ярко выраженную, последовательно и регулярно эксплицированную в виде нарратива форму.

В повествованиях, связывающих имя и судьбу, присутствуют следующие мотивы, которые раскрывают место имени в архаической картине мира болгар: выбор имени равнозначен выбору судьбы; сле-

дование правилам поощряется и приносит носителю имени удачу; отход от правил требует специальных ритуальных действий (жертвоприношений и ежегодного почитания соответствующего дня церковного календаря); несоблюдение правил выбора имени без совершения надлежащих ритуальных действий отрицательно влияет на ребенка и может вызвать болезни, несчастливые события в его жизни и даже смерть.

Рождение в праздник, как уже упоминалось, диктует выбор имени с учетом хрононима. По поверьям, новорожденный «приходит на свет» уже со своим именем. Нередко, представляясь, информанты сразу объясняют, почему их так назвали родители: «Меня зовут Костадинка, потому что я родилась в день свв. Константина и Елены, хотя крестный настаивал на имени *Димитрина*, в честь бабушки» (София 2001, соб. зап.). Мать назвала дочь Светланой, потому что она родилась на Пасху, в Светлое воскресенье ([ДИОС, Шипково]). Следует отметить, что интерпретация идеи связи праздника и имени весьма широкая. Много рассказов о том, что родившимся в Вербное воскресенье (*Цветница*) традиционно дают «цветочные» имена – *Цветанка*, *Теменушка*, *Карамфил* и пр. В с. Шипково молодой священник учит прихожан, что родившиеся на *Коледу* (народное название Рождества Христова) должны носить имя, начинающееся с буквы *к*: *Кунчо* – так, в соответствии с его указаниями, назвала своего сына моя собеседница ([ДИОС]).

Характерен мотив «конкуренции» двух традиций, который часто составляет стержень устных рассказов. Языческий культ предков, дома, рода противостоит христианской традиции. Эти традиции у болгар обычно органично дополняют друг друга, но в случае с выбором имени они вступают в конфликт. Идея поддержания имени родового побеждает, особенно в случае рождения первенца, ср.: «...некоторые говорят, что святой не будет сердиться, а дед будет. Поставь свечку в церкви святому, а ребенка назови в честь свекра» [Кръстева-Благоева 1999а: 75]. Народно-христианские ритуалы требуют своего исполнения (*обеты*, *курбан*, особое почитание праздника или святого и пр.), в противном случае ожидается «месть» святого или «праздника» (*Ако не го уважат, той ще се разсърди и ще обърне късмета на детето* – «Если его не уважить, то он перевернет удачу ребенка» [Ловешки край: 363]). Житель села Шипково родился в праздник Успения Богородицы, но его, по настоянию деда, назвали *Петко*, а не *Марин*, как должны бы были назвать. Его семья ежегодно жертвует барашка в близлежащий Троянский монастырь, считая это «возвращением долга Богородице за имя» ([ДИОС]).

Конфликты могут возникнуть между крестными родителями и родственниками младенца, между бабушками со стороны отца и со стороны матери. В этнографическом описании села Ковачевец Поповской околии (Сакар) 1940 г. содержатся рассказы о двух таких ситуациях. В первом случае крестные настаивали на имени *Бистра* и так и крестили ребенка, хотя родные настаивали на *Марии*. Имя *Мария* закрепилось за девочкой, многие даже не знали ее крестильного имени *Бистра*. Во втором случае спорили две бабушки – *Цана* и *Цвета*, в честь кого назовут новорожденную внучку. Родители пошли на компромисс, составив из двух имен одно: *Цветана* ([Ркс: 289]).

Прозрачность внутренней формы многих имен собственных позволяет рассматривать оним с точки зрения семантики (а порой и прагматики) почти как имя нарицательное⁶. Имена могут быть эмоционально окрашенными, они уравниваются с прозвищем или ласкательным эквивалентом, ср.: *Мила*, *Рачко*, *Стойко*, *Митко* и др.⁷ Интерпретация семантики играет важную роль при подборе имени для младенца. Имянаречение входит в ряд продуцирующих действий, способствующих формированию у ребенка в будущем определенных способностей, качеств, положительных свойств. По материалам из села Геги Петричского района, любезно предоставленных нам Е. С. Узеновой, долгожданную дочку (после 12 лет бездетного брака) родители назвали *Блажка* («сладкая»)⁸. Показательно объяснение информантов, что это имя «говорящее», – их дочь «сладкая», да и жизнь у нее «сладкая», т. е. ей ни в чем не отказывают.

Стремление к семантизации имени собственного – одна из характерных черт болгарской антропонимии (ср. перевод иноязычных имен, комбинация значащих основ и др.). Наличием «семантических» имен отчасти объясняется столь развитая в балканославянских обрядах «ономастическая магия» ([Толстая 2001]).

* * *

Имя в болгарской традиции – это проблема диалектологии языковой и культурной, проблема языковых и культурных влияний и контак-

⁶ Ср. толкование сна, в котором увидишь женщину по имени *Радка*, – «к радости» [Ркс: 324].

⁷ В определенных коммуникативных ситуациях подобная эмоциональная окрашенность сознательность разрушается. Так, мать называет дочь *Веселку* *Весела*, когда хочет проявить строгость. Не используются уменьшительные суффиксы в такого рода именах и в официальном узусе, в печатных текстах, в некрологах.

⁸ Ср. болгарские выражения, применимые к детям: *сладуран*, *сладуранче* и особое место концепта «сладкого» в обрядах ([Седакова 2000]).

тов. Многие комментарии увязывают практику имянаречения с общественно-политическими процессами, ср.: «Раньше так не было, чтобы в честь деда или бабки ребенка называли. Это коммунисты придумали» [Воденичаров 1997: 198]. Похоже, однако, что это суждение вызвано некоторым забвением локальной традиции выбора имени в зависимости от желания крестных родителей и тенденцией превращения принципа повторения имени деда или бабушки в общеполитический.

Хотя с течением времени номинационные стратегии меняются, но все же современное состояние пока еще дает возможность говорить о выделении на территории Болгарии ареалов по принципам подбора имени для новорожденного ([Кръстева-Благоева 1996]). Особенно наглядна оппозиция двух первых принципов. Именованию по желанию крестного характерно для северо-западной Болгарии, Кюстендилской области и Пиринского края. Постепенно эту традицию вытесняет именование в честь родных – дается имя «дома» (не чужое, не «внешнее»: «къщно име, имена отвън не слагат» [Кръстева 1999а: 61]), даже в тех районах, где желание крестного оставалось законом дольше всего, – Враца, Кюстендил, Средние Родопы ([Кръстева-Благоева 1999а: 61]).

Ряд имен «привязан» к определенному региону: в западной Болгарии особенно распространено имя *Младен*, в северо-западной – *Камен* и *Цеко*, в восточной – *Желязко* и *Жеко* ([Кръстева-Благоева 1996: 113]). Традиционность некоторых имен в отдельных областях или селах отмечается самими информантами. Иногда это объясняется преемственностью (*Българослава*, *Близана* в селе Самоводене, Велико-Тырновской области см. [Ркс: 314]), но чаще – почитанием святых или праздника в данном регионе. Так, в центральной Страндже особенно популярно имя *Костадин* и его варианты (в связи с развитым культом св. Константина). В с. Стакевци чаще всего встречаются имена *Илия* и *Елена*, в соответствии с локальным культом святых, носящих эти имена и считающихся покровителями грома и града ([ДИОС]).

Состав имен конкретного села традиционно входит в сферу интересов его обитателей. К примеру, человек с именем, которое не повторяется в селе, привлекается для исполнения определенных обрядов (*Еньова буля*). Наоборот, для совершения ряда ритуалов нужны люди с одинаковыми именами (две тезки «запирают на замок» чуму при эпидемии в селе [Ркс: 395]).

Итак, за именем собственным и актом имянаречения стоит прочная традиция, диктующая особое отношение к этой сфере человеческой

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

жизни. Стремление соблюдать патриархальную традицию и передавать родовые имена потомкам по-прежнему доминирует в болгарском обществе.

Л и т е р а т у р а

- Вайганд 1926 – *Вайганд Г.* Българските собствени имена. Произход и значение. София, 1926.
- Василева 2003 – *Василева М.* Етнографските приноси в разностранното дело на Димитър Маринов // Маринов Д. Избрани произведения в 5 тома. Народна вяра. София, 2003.
- Влахов 1999 – *Влахов С.* Енциклопедичен речник от Авгий до Яфет. Чужди собствени имена в езиковия свят на българите. София, 1999.
- Воденичаров 1997 – *Воденичаров П.* Предци, предтечи, лични имена – прагматиката на даване име (За религиозното родство) // Предци и предтечи. Митове и утопии на Балканите. Благоевград, 1997.
- Геров – *Геров Н.* Речник на българския език. Т. 1–6. София, 1975–1978.
- ДИОС – материали, събрани автором в составе экспедиций българского общества ДИОС (с. Щипково, Троянская обл. – 2000 г.; с. Стакевци, Белоградчишская обл. – 2001 г.)⁹.
- Заимов 1988 – *Заимов Й.* Български именник. София, 1988.
- Илчев 1969 – *Илчев С.* Речник на личните и фамилни имена у българите. София, 1969.
- Ковачев 1995 – *Ковачев Н.* Честотно-etimологичен речник на личните имена. Велико Търново, 1995.
- Котова 2002 – *Котова Н. В.* Горно Поле. Дупнишко. Речник. София, 2002.
- Кръстева 1996 – *Кръстева Е.* Име и именуване в българската традиционна култура // Етнографски проблеми на народната култура. Т. 4. София, 1996.
- Кръстева-Благодеева 1999а – *Кръстева-Благодеева Е.* Личното име в българската традиция. София, 1999.
- Кръстева-Благодеева 1999б – *Кръстева-Благодеева Е.* Съвременни аспекти на именуването в Северозападна България // Българска етнология. Год. XXV. София, 1999. № 1–2.
- Ловешки край – Ловешки край. Материална и духовна култура. София, 1999.
- МБТР 1951 – *Младенов Ст.* Български тълковен речник с оглед към народните говори. Том 1 (А–К). София, 1951.
- Плас 2002 – *Плас П.* «Вучја имена» у контексту обичаја и рођења // Кодови словенских култура. 7. Београд, 2002.
- Ркс – Архив Ст. Романского (хранится в Софийском Университете им. Климента Охридского, Болгария).
- Седакова 2000 – *Седакова И. А.* О сладком в языке и культуре болгар // *Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury.* 12. Lublin, 2000.
- Седакова 2003 – *Седакова И. А.* Рождение и жизненный сценарий: «субботние» люди на Балканах // *Славянское и балканское языкознание.* М., 2003.

⁹ Благодарю Председателя общества ДИОС Т. Спиридонова за предоставленную мне возможность работать в составе организованных им экспедиций. Особая благодарность всем жителям исследованных сел.

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

Седакова (в печати) – *Седакова И. А.* Имянаречение у болгар: балканская перспектива.

Толстая 2001 – *Толстая С. М.* «Ономастическая магия» в славянской народной традиции // *Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Часть 2.* М., 2001.

Толстой, Толстая 1998 – *Толстой Н. И., Толстая С. М.* Имя в контексте народной культуры // *Проблемы славянского языкознания: Три доклада к XII Международному съезду славистов.* М., 1998.